Англия и остальной мир. Взгляд с Бейкер-стрит (сборник)

Автор:
Артур Дойл

Англия и остальной мир. Взгляд с Бейкер-стрит (сборник)

Артур Конан Игнатиус Дойл

Титаны XX века

Артур Конан Дойл известен прежде всего как автор детективных произведений о сыщике Шерлоке Холмсе, а также приключенческих и научно-фантастических романов. Между тем он был еще и видным политическим деятелем Англии, близким к правительственным кругам. Конан Дойл активно отстаивал английские интересы на мировой арене, из-за чего за ним утвердилось прозвище «Патриот», которым он гордился. В начале XX века писатель получил дворянское и рыцарское звание. В книге, представленной вашему вниманию, собраны наиболее яркие статьи и выступления А. Конан Дойла, посвященные имперской политике Великобритании, отношениям с другими государствами, событиям Первой мировой войны, внутреннему положению английского государства. Что касается прогнозов о будущем развитии мира, то Конан Дойл делал их исходя из неких тайных знаний, которые он получал, по его словам, из «непосредственного, практического спиритизма, который есть единственное противоядие от научного материализма». Удивительно, что многие из этих прогнозов оказались точными.

Артур Конан Дойл

Англия и остальной мир. Взгляд с Бейкер-стрит

Часть 1 Англия на мировой арене

Англия и Америка

Если и есть на земле два народа, в отношениях между которыми дух взаимной учтивости был бы более чем уместен, так это мы и американцы…

Мне приписывают некоторые высказывания относительно Америки, не имеющие ничего общего ни с тем, что в действительности было мною сказано, ни с реальным положением дел. Я обнаружил в Америке немало такого, чему нам следовало бы поучиться.

Что касается улучшения англо-американских отношений, убежден в том, что именно это сейчас и происходит; если и может что-то повредить этому процессу, так поспешные и подчас вредные впечатления разного рода путешественников, которые делают далеко идущие выводы на основании самого мимолетного знакомства со страной, отказываясь понять, что отличающиеся от наших условия могли способствовать развитию совершенно иного типа мышления и незнакомого нам образа жизни.

Исходя из собственного опыта могу сказать, что англичанин, проехав по Соединенным Штатам, возвращается домой под влиянием двух основных впечатлений, совершенно затмевающих прочие. Первое оставляет атмосфера почти чрезмерной доброжелательности, в которой оказывается там английский гость. Второе – это горькие чувства которые испытывает американское общество, в частности пресса, по отношению к нашей стране. Недовольство это тлеет в глубине общественного сознания, и по поводу любого спорного вопроса тут же может вспыхнуть новый пожар. Я был всегда убежден, и сейчас придерживаюсь мнения, что более всего на свете Британской империи угрожает именно дух враждебности, живущий в народе, которому – притом что уже сегодня он достиг величия и силы, – предстоит в будущем подняться к невероятным высотам. Слишком долго наши государственные деятели стояли, обратившись лицом к востоку. Чтобы узреть величайшие опасности и одновременно надежды будущего, им следует повернуться в противоположную сторону.

Что касается причин этой неприязни, то они не столь мелочны, как бы хотелось думать о том англичанину. Чтобы понять отношение американцев к Великобритании, достаточно прочесть школьный учебник американской истории, принимая все его утверждения с теми же верой и патриотизмом, с какими воспринимаем мы все, что в нашей истории связано с Францией. Американская история – во всяком случае, если речь идет о внешней политике, – есть, в сущности, не что иное, как сплошная череда конфликтов с Британией, конфликтов, многие из которых, стоит признать, возникли по нашей вине. Мало кто из нас станет сегодня оспаривать тот факт, что Англия была не права в вопросе о налогообложении, который явился причиной первой Гражданской войны в Америке, или в конфликте с нейтральными судами, явившемся причиной второй.

Из пятисот страниц английской истории войне 1812 года уделено, наверное, страницы две, но это огромная глава в американской истории, и она оставила после себя множество самых горьких воспоминаний. Стоит напомнить и угрюмую позу, принятую Британией, когда США обрели независимость, и постоянные трения в наполеоновскую эпоху, и нападение на американский фрегат со стороны военного корабля с пятьюдесятью орудиями на борту в мирное время.

Затем был послевоенный флоридский спор, и годы правления Эндрю Джексона, – не говоря уже о враждебности нашей прессы по отношению к Соединенным Штатам во время Гражданской войны. После чего возникло еще два ожесточенных конфликта: один касался притязаний штата Алабама, второй – рыболовства в Беринговом проливе, в результате чего были поставлены под сомнение и права американцев на ловлю рыбы у берегов Венесуэлы. Таким образом, с точки зрения американца, вся история Великобритании – это нескончаемые войны с США, и вправе ли мы осуждать его подозрительность, если и сами не изжили ее в себе – по отношению к Франции? Если все мы, как нация, несем определенную ответственность, по меньшей мере, за часть этих печальных исторических казусов, то в еще большей степени мы виноваты (теперь уже каждый в отдельности) за ту антипатию, что питают к нам американцы. За всю историю у нас не нашлось теплого слова, чтобы выразить искреннее восхищение достижениями наших заокеанских братьев, их

промышленным прогрессом, героизмом в войне и ни с чем не сравнимыми мирными добродетелями. Увлекшись мелкими придирками, мы не заметили великих свершений. Ползая по полу в поисках пятен от плевков, не заметили движения суфражисток и обретения народом права на образование.

Наши туристы не уставали поражаться тому, что трудящийся американец, овладевший десятком разных профессий, чтобы адаптироваться к нуждам быстрорастущего общества, не обрел манер выпускника Оксфорда или сассекского пенсионера. Они не смогли понять того, что необыкновенные достоинства, взращенные в себе народом благодаря всеподавляющей энергичности и природной жизненной силе, должны обязательно иметь и обратную сторону. Вряд ли среди английских путешественников найдется хотя бы один, кто не нанес бы своими путевыми заметками ущерба отношениям между двумя нашими странами. И это отсутствие понимания и доброжелательности тем более непростительно, что никто не писал об Англии с такой любовью, как Вашингтон Ирвинг, Эмерсон и Холмс.

Каждая из этих причин, личных или политических, сама по себе, возможно, и незначительна, но вкупе с остальными перерастает в масштабы уровня национальной безопасности.

Сейчас среди наших журналистов и общественных деятелей стало принято отзываться об Америке и американцах в самом дружественном тоне, что может возыметь эффект в будущем, если недавние неприятности не ухудшат положения дел. Лишь тот, кто побывал в Америке, способен почувствовать, сколько в этих людях «ангельской» доброты – если воспользоваться выражением месье Бурже. Трудно поверить, что они сохранят неприязнь к державе, народ которой настроен по отношению к ним дружественно. Но тень прошлого все еще разделяет нас, и наверняка пройдет немало времени, прежде чем мы устраним этот барьер.

Тем временем, мне кажется, мы не должны упускать ни малейшей возможности, чтобы демонстрировать наши братские чувства пусть даже самыми незначительными практическими действиями. Можно спорить о художественной ценности Статуи Свободы Бартольди, но нет никаких сомнений в том, что как символ дружеских чувств французского народа она несет свет каждому судну, входящему в нью-йоркскую гавань.

Возможности проявить расположение к американскому народу время от времени возникают и у нас. Более всего мне хотелось бы, чтобы в Лондоне образовалось Общество англо-американской дружбы с подразделениями во всех государствах Британской империи. Задачей его стало бы распространение духа доброжелательности, смягчение любых трений, знакомство широкой публики с литературой двух стран, которая сама по себе является сильным аргументом в пользу англо-американского союза, и так далее. Убежден, что создать такую организацию будет легко, и что она послужит достижению величайшей цели – укреплению дружбы между всеми англоговорящими странами.

1892–1897 гг.

Первая мировая война

Германская политика: ставка на убийство

Я только что прочел в высшей степени учтивое и сдержанное письмо Джеймса О'Доннелла-Беннетта. Будучи весьма благодарен автору за то, что он счел возможным обратиться ко мне таким образом с газетных страниц, я хотел бы все же сказать по этому поводу несколько слов. Речь в письме идет о моей статье в «Дэйли кроникл», озаглавленной «Германская политика: ставка на убийство». Некоторые мои утверждения господин Беннетт высмеивает, об остальных не упоминает вообще – наверное, потому, что ничем не может их опровергнуть.

Сначала я рассказал о минировании морских пространств: собственно, за этим мы застали в первый же день войны корабль «Koenigin Luise», который немедленно потопили. Затем то же произошло к северу от ирландского побережья; всем известно, что лишь предупредительный сигнал с борта британского военного судна спас «Olimpic», который в противном случае подорвался бы вместе со всеми своими пассажирами, как американскими, так и британскими. Когда жертвами подобных акций становятся граждане нейтральных стран (датчане, голландцы, норвежцы), это – убийство, иного слова не подберешь.

Далее я рассказал о бомбардировках мирных городов с моря и воздуха. И здесь, и в Германии всем известно, что Ярмут, Уитби и Скарборо не защищены, а Хартлпул обороняет совсем небольшая батарея. Если последний факт и дает неприятелю повод обстрелять – не саму эту батарею, но густонаселенный город (убив или ранив несколько сотен человек, в том числе 38 детей и лишь 7 военнослужащих), то чем оправдать бомбардировки Скарборо, Уитби и Ярмута? В ходе подлого налета на Ярмут цеппелин сбросил бомбы еще и на мелкие окрестные села, в результате чего погибли пять человек. Если это не убийство, то что же? Во всяком случае, не война, ибо таким образом попираются все ее законы.

Мистер Беннетт говорит, что британцы и сами бомбили Дюссельдорф. Именно так – лучшей иллюстрации мною сказанному трудно сыскать. Да, наши летчики бомбили Дюссельдорф (равно как и Фридрихсхафен), но каждый раз атаковали заранее намеченные стратегические цели (авиационные ангары), коим нанесли, как было признано, весомый урон. Даже враг в своих сводках не попытался обвинить нас в неразборчивом бомбометании. Между тем, приняв на вооружение германскую тактику, мы бы легко забросали бомбами многолюдные улицы Кельна и Франкфурта, также открытые для ударов с воздуха.

Мистеру Беннетту не нравится, что я обвиняю германскую прессу в систематической лжи. Но ведь она объявила Ярмут, Уитби и Скарборо укрепленными городами – если это не ложь, то что же? Разве не германская пресса рассказывает сейчас, как в ходе морского боя неделю назад британцы потеряли тяжелый крейсер и несколько легких кораблей, хотя на самом деле мы избежали всяких потерь? Ложь – неприятное слово, но когда речь идет о заявлениях такого рода, постоянно встречающихся в немецкой прессе, другого не приходит на ум.

Теперь мы подходим к главному вопросу о германских злодеяниях во Франции и Бельгии. Мистер Беннетт пытается оправдать таковые утверждением (в истинности которого не может быть ни малейших сомнений), что и среди немцев попадаются добросердечные люди, которые так милы с населением оккупированных территорий, что даже заводят с ним дружбу. Допускаю, что по своей природе немец вовсе и не жесток; но прусский милитаризм бесчеловечен, и он всю Германию переделал на свой манер.

Мистер Беннетт, с недоверием воспринимающий сообщения о злодеяниях оккупантов, почему-то охотно верит сплетням о том, как их будто бы

обстреливали мирные бельгийцы. Сначала даже утверждалось, будто они у раненых выцарапывали глаза; поиск соответствующих доказательств, однако, завершился заявлением главврача из Экс-ла-Шапели о том, что о подобных случаях ему ничего не известно. Не сомневаюсь, что бельгийское правительство предприняло все возможное, чтобы изъять оружие у гражданского населения. Не рискну, подобно иным апологетам, утверждать, будто бы в немцев не было произведено ни единого выстрела, но есть основания полагать, что то были единичные случаи. С другой стороны, ни для кого не секрет, что захватчики устроили массовое уничтожение бельгийских сел, убивая при этом всех подряд – мужчин, женщин, детей, – а свое присутствие на захваченной территории отметили крайней степенью распущенности.

Мистеру Беннетту стоило бы ознакомиться с фактами, приведенными в отчетах Бельгийской комиссии, где есть все – имена, даты, названия городов и сел. Отдельные сообщения о злодеяниях оккупантов здесь, действительно, подвергаются сомнению, что лишь добавляет убедительности документу в целом. Тот факт, что захватчики сохранили городскую ратушу в Лувене, вряд ли уж очень утешил жителей города, седьмая часть которого (по оценке самого мистера Беннетта) была сожжена. Такого рода бесчинства, недопустимые сами по себе, особенно отвратительно выглядят в свете клятвенных обещаний немцев защищать страну, которую они теперь принялись истязать.

Мистер Беннетт, судя по всему, полагает, будто во Франции германские войска вели себя лучше, чем в Бельгии. Сейчас, когда я пишу эти строки, передо мной лежит отчет Французской комиссии, и это – перечень тех же бесчинств со всевозможными подробностями в качестве доказательств. От Сенли до Динана – сплошная история варварства. Насколько мне известно, подобный документ о германских преступлениях в Польше составили и российские власти. Будет ли господин Беннетт утверждать, что и эти официальные документы есть «ложь от начала и до конца»? Не проще ли предположить, что союзники правы в своих оценках и что приведенные факты – следствие прусской идеологии, которая делает ставку на запугивание населения оккупированных территорий с тем, чтобы сделать его послушным орудием в руках захватчиков?

Профессор Бедье опубликовал выдержки из дневников германских солдат, описывающих собственные деяния. Тяжко читать такое. Приведу отрывок, который должен особенно заинтересовать мистера Беннетта, ведь он, похоже, готов чуть ли не восхититься сдержанностью немцев, постановивших сжечь на одной из улиц Динана – подумать только – не все дома, а лишь каждый третий и

пятый. Вот что пишет рядовой первого батальона 178-го пехотного полка Филип из Каменца (Саксония) о событиях в деревушке к северу от Динана:

«У входа в деревню лежали трупы пятидесяти жителей, расстрелянных за то, что ночью подло обстреляли наши войска. Убивали и других, так что всего тел мы насчитали штук двести. Свидетелями этого страшного зрелища пришлось стать женщинам и детям, пришедшим сюда с фонарями в руках. А мы вынуждены были есть рисовую кашу среди этих трупов».

Вот что читаем мы в другом дневнике:

«Ланжвилле, 22 августа. Деревня уничтожена 11-м батальоном первопроходцев. Трех женщин повесили на деревьях».

Рядовой Шлаутер из 3-й батареи 4-й гвардейской полевой армии артиллерии пишет:

«Расстреляли двести местных жителей. Оставшиеся в живых были использованы для рытья могил. Там были и женщины, но избежать этого было никак нельзя».

И далее:

«Таким образом, мы уничтожили восемь домов с их обитателями. В одном доме двух мужчин с женами и 18-летнюю дочь закололи штыками. Тяжко было мне наблюдать гибель создания столь невинного, но иначе никак нельзя было утихомирить толпу, ведь то были не люди, а звери».

Это, господин Беннетт, тоже, по-вашему, «ложь от начала и до конца»? Или я все-таки был прав, когда писал, что к массовому убийству мирного населения немцы приступили с первых же дней и что злодеяний такого рода Европа не

помнит с давних и очень темных времен?…

1915 г.

Об отношении к военнопленным

Трудно даже выработать линию поведения в отношении европейских краснокожих, которые подвергают пыткам военнопленных. Ясно, что сами мы не можем подобным же образом оплевывать, пинать, морить голодом и держать на морозе немцев, находящихся в нашем распоряжении. С другой стороны, бессмысленны и призывы к добросердечию, ибо средний немец имеет то же понятие о благородстве, что корова – о математике. Он искренне не способен понять, например, что заставляет нас с теплотой отзываться о фон Мюллере из Веддингена и других наших противниках, пытающихся в какой-то мере сохранить человеческое лицо. Германская пресса объясняет это отчасти сентиментальностью, отчасти лицемерием. Не сомневаюсь также и в том, что пилоты германских аэропланов, обстрелявшие наши шлюпки в тот момент, когда те пытались взять на борт оставшихся в живых моряков «Блюхера», искренне не догадывались об истинных намерениях спасателей.

Поскольку немцы пытаются представить свое варварское поведение ответом на нашу морскую блокаду, уместно будет заметить, что они не лучше относились к нашим военнопленным и до того, как мы сформулировали свою морскую политику Плененные в Бельгии представители британского Красного Креста свидетельствуют о столь же бесчеловечном к себе отношении. Будучи в силу особенностей национального характера не в силах отплатить врагу той же монетой, мы могли бы ответить иначе – издать массовым тиражом сообщение майора Ванделера, официальные американские сводки, а также статьи, вроде той, что появилась в голландской газете «Tyd», о пытках, которым подверглись трое британских военнослужащих, захваченных на приграничном посту в октябре. Все это следует по официальным каналам распространить в нейтральных странах и среди наших солдат во Франции. Праведный гнев лучше всяких призывов поднимает мужчину на бой, и мы просто обязаны использовать оружие, которое в руки нам вкладывает сам враг. Нашим солдатам (которые, может быть, и не нуждаются в дополнительной агитации) должно быть совершенно ясно, что лучше пасть на поле боя, чем понадеяться на человеческое к себе отношение немца.

Притом что враг наш не знаком с понятием великодушия, он, во всяком случае, крайне практичен. Осознав, что мы используем информацию о чинимых им злодеяниях в военных целях, он (из соображений выгоды, не морали), возможно, и пересмотрит свою политику.

1915 г.

Об ударах возмездия

… Мы живем в такое время, когда сохранить руки чистыми можно лишь за счет чужих страданий. Например, отравляющий газ: сам по себе этот способ ведения войны отвратителен, но отказаться от него мы не можем просто потому, что враг продолжает травить им наших людей на фронте. Так же, если превратив в руины несколько германских городов, мы сможем спасти жизни наших сограждан, такая мера, на мой взгляд, будет совершенно оправданна. Думаю, те, кто называют и эту акцию «массовым убийством мирного населения», занимаются демагогией: речь идет о мести за уже совершенные массовые убийства и предотвращении подобных преступлений в дальнейшем. Мы ведь без возражений позволили французским летчикам бомбить Карлсруэ и Штутгарт, причем во втором случае было официально заявлено, что это – ответ на бомбардировку беззащитных городов Франции и Британии. Налет, последовавший сразу же за первым немецким рейдом на Лондон, и был воспринят как реакция на совершенное варварское преступление. Да, это работа, мягко говоря, грязная (хоть и необходимая), но остаемся ли мы чище, позволяя союзнику выполнять ее от нашего имени и при этом объясняя миру, что сами мы, мол, на подобное неспособны, а следовательно, врагу дозволяем и впредь играть жизнями наших сограждан, ничуть не опасаясь за безопасность своих горожан?…

В европейских газетах все чаще появляются достаточно правдоподобные сообщения о том, что германские цеппелины готовятся к еще более масштабным бомбардировкам Лондона. Вопрос о том, как нам встретить эту угрозу, обретает огромную важность.

Против любой попытки нанести налетчикам поражение непосредственно в небе над Лондоном, мне кажется, следует возражать самым решительным образом. Чем сбить цеппелин, обрушив его вместе с грузом взрывчатки на крыши огромного города, лучше уже вынести бомбардировку. Он ведь может упасть не

на безлюдный пустырь, а в густонаселенный район, где станет причиной массовой катастрофы. С другой стороны, цеппелин, поднявшийся в воздух, трудно перехватить или как-то остановить, прежде чем он достигнет цели. Боюсь, придется признать: мы не способны ни предотвратить их появление здесь, ни рассчитаться с ними после того, как они сделают свое дело.

Остается единственный метод, и он весьма эффективен. Пресечь такие попытки можно лишь показав, что мы способны на удар возмездия и готовы его нанести. Германский дирижабль, поднявшись с аэродрома на востоке Бельгии, должен проделать как минимум 200 миль в каждый конец. При наличии авиационного центра близ Нанси мы к главным населенным пунктам Германии оказались бы куда ближе. Оттуда до Висбадена 100 миль, до Бонна -130, до Франкфурта – 140, до Кобленца -120, до Кельна – 150.

Если Лондон уязвим для ударов с воздуха, то уж эти города – тем более. Мы должны без промедления создать такой авиационный центр, лучшими частями противовоздушной обороны обеспечить ему защиту и через американское посольство в Берлине известить германское правительство о том, что более не намерены терпеть издевательств над своими мирными гражданами и на каждый очередной налет будем отвечать ударом возмездия.

Такая политика, следуй мы ей изначально, сыграла бы профилактическую роль, была бы лучше, чем месть. Но раз уж дело дошло до мщения, пусть ответственность за кровопролитие ляжет на тех, кто нас сознательно на него спровоцировал. Весь мир был свидетелем британского долготерпения. Пришло время во имя наших детей и женщин положить конец злодеяниям. Если при этом погибнут мирные жители, это будет означать лишь, что своими сознательными действиями одни немцы подписали приговор другим.

Бомбардировка городов Германии должна быть неограниченной: вести ее следует вплоть до получения официального обещания полностью отказаться от подобных методов ведения войны. Гунн грозен, лишь когда полагает, будто вправе безнаказанно наводить страх на других. Своим девизом он выбрал выражение «Кровь и железо», имея в виду, что «железо» – его, а «кровь» –

чужая. Как только французы произвели ответные рейды на Карлсруэ и Гейдельберг, сразу несколько немецких газет наперебой закричали о том, что такие методы ведения войны бесчеловечны. Более того, немцы действительно отказались от них – но лишь в отношении Франции.

Разумеется, без обсуждения проблемы не обойтись: очевидно, правительство не вправе действовать вопреки общественному мнению. Но опасность надвинулась вплотную, и я вижу только один способ противостоять ей. Если в прессе наметится согласие на этот счет, власти обретут силу для решительных действий. Действуя быстро, мы, возможно, успеем предотвратить катастрофу. Начнем тянуть время – вынуждены будем всего лишь мстить затем за понесенные жертвы.

1915–1917 гг.

О пользе ненависти

Недавно мне пришлось беседовать с британским офицером, прошедшим германский плен. Голосом, дрожащим от переполнявших душу чувств, он рассказал мне об испытаниях, которые пришлось вынести ему и его товарищам. Мне приходилось читать о таких вещах, но живой рассказ человека, который испытал это на себе и все видел собственными глазами, производит впечатление, непередаваемое словами. Задолго до того, как он кончил говорить, я и сам уже ощущал дрожь во всем теле.

Этот полковой командир, человек благородный и утонченный, был ранен и пленен в конце 1914 года. В течение двух дней, пока их везли от линии фронта к месту заключения, пленные ничего не ели. Где-то (он полагает, в Кельне) к вагону подкатили передвижную столовую с бачками супа – просто чтобы поиздеваться. Истощенные от голода и ран люди наконец прибыли в город, где находился их лагерь. Ослабленные физически и потрясенные происшедшим, они сгрудились у станции, после своего ужасного путешествия едва держась на ногах. Вот что сам он (с трудом подбирая слова) рассказал о дальнейших событиях: «Пока мы шли по улице, нас непрерывно подгоняли пинками. Среди нас не было ни одного человека, который не получил бы удара под зад». То были британские офицеры – достойнейшие джентльмены, израненные и беспомощные, оказавшиеся в положении, которое веками взывало к благородству победителя! А что делаем мы, схватив на месте преступления

немецкого летчика, собравшегося бомбить мирных лондонцев? Скорее везем его кормить горячим ужином!

Этот офицер, как я позже узнал, стал свидетелем ужасного происшествия. В одном из лагерных бараков ночью начался пожар. Ключ от двери, запертой снаружи, найти не смогли. Один из военнопленных, матрос, стал вылезать через узенькое окошко. К нему кинулся охранник – все подумали, чтобы помочь выбраться. Вместо этого он вонзил матросу штык в горло. Очевидцы, среди которых были граждане всех стран-союзниц, рухнули на колени и поклялись Богу, что пока будут живы, не пощадят никого, в чьих жилах обнаружится немецкая кровь. Вправе ли мы осуждать их? Разве на их месте мы не испытали бы тех же чувств?

Зачем, вы спросите, вспоминать подобные эпизоды? Да чтобы понять истину, которую давно уже уяснили немцы: ненависть может быть полезна в войне. Лучше любого другого чувства она отключает разум, оставляя только слепую решительность. Немцы осознали это столь основательно, что теперь вынуждены изобретать самые разнообразные причины для поддержания ненависти к нам, никогда не причинявшим им зла и виновным лишь в том, что историей и географией избраны были стать преградой на пути осуществления германских амбиций. Ради этого они идут на любую ложь, зато укрепляют тем самым дух нации. Мы же, настрадавшиеся от врага, начисто лишенного благородства и человечности, имеем все основания испытывать к нему ненависть, но не предпринимаем почти ничего, чтобы как-то ее распространить и использовать. Силу этого чувства каждый из нас способен осознать, заглянув вглубь своего сердца. Многие из нас смирились бы с заключением мирного соглашения, которое включало бы в себя ряд компромиссов, касающихся границ – при условии сохранности Бельгии. Кто-то пожертвовал бы и Россией, если бы та продолжала упорствовать в своих изменнических настроениях. Но ни один человек, знающий истинное положение дел, не отступится от борьбы до последнего вздоха ради того только, чтобы тех, кто убивал наших женщин и пытал наших военнопленных, постигла суровая и справедливая кара.

Итак, что нам теперь делать? Необходимо выпустить официальное (но написанное живым человеческим языком) заявление, заверенное офицерами, ставшими свидетелями и жертвами злодеяний такого рода. Документ нужно перевести на немецкий и сунуть под нос каждому военнопленному, отбывающему срок в Англии: пусть он хотя бы поймет различие двух культур. В обращении с заключенными немцами мы столь педантично корректны, что когда

в самом начале войны я предложил каждую тюрьму снабдить экземпляром «J'accuse», мне всерьез возразили в том смысле, что международное право запрещает всякие попытки обратить военнопленных в свою веру. И это происходило в те самые дни, когда Кейсмент и немцы пытались голодной пыткой заставить ирландских военнопленных выступить против Британии в составе германской армии!

Текст заявления необходимо зачитать по радио в наших оружейных цехах и в казармах. Работники военной промышленности терпят массу мелких лишений, нервы их на пределе. Лишь возбудив сильные первобытные чувства, можно морально поддержать их в труде.

Давайте проиллюстрируем эту и подобные ей истории и в каждом магазине вывесим этот фотографический репортаж. Распространим его в тех районах Ирландии, что контролируются партией Шинн Фейн, в пацифистских гнездах Англии и Шотландии. Ирландец всегда отличался благородством натуры, и я никогда не поверю, что безумнейший из шиннфейновцев способен опуститься до уровня пруссаков и турок, коих полагает своими союзниками. Пусть же взгляд его отдохнет на фотоснимках, показывающих истинные дела его друзей; может быть, после этого он осознает, наконец, на какой почве стоит и чью сторону принял в войне за свободу, развернувшейся на планете. Скотская сущность германской породы, по меньшей мере, дает нам право применить действенное оружие, которое на нынешней стадии войны пришлось бы весьма кстати. Давайте разберем факт за фактом, опишем их кроваво-красными буквами. Оставив в покое единый английский Юг, в проповедях не нуждающийся, развернем пропаганду везде, где заметны следы вражеских интриг – на Тайне и Клайде, в Центральной Англии, но более всего в Ирландии и франкоязычной Канаде. Не станем обращать внимание на пошлых епископов, угрюмых настоятелей и прочих высоколобых господ, выступающих против актов возмездия и проявления воинственности как таковой.

Я с величайшим уважением отношусь к епископу Винчестерскому, но утверждение о том, что ненавидеть следует грех, но не самого грешника, уводит его в такую область метафизики, которая – по крайней мере, для меня – к реальной жизни не имеет ни малейшего отношения. Когда я слышу о том, что немец пинает раненого британского солдата, объектом моей ненависти становится немец, а не пинок. Ненависть к этому человеку, желание покарать его и сообщников – вот что поддерживает меня в борьбе. Утверждаю, что подобные чувства, действуя точно так же на любого британца, являют собой

мощную силу, которая в полной мере нами все еще не используется – просто из-за неумения факты подавать так, чтобы их смысл доходил до народа.

Епископ использует затасканный аргумент: мол, раз мы осуждаем поведение немцев, значит, не должны брать с них пример. То же говорилось и по поводу использования отравляющих газов; сегодня ясно, что оппоненты, воспреобладай их взгляды тогда, крайне ослабили бы нашу военную мощь.

И в отношении ударов возмездия с воздуха произносились те же слова. Крайне безответственно осудив таковые, епископы мешали действиям наших военных до тех пор, пока само развитие событий не показало, что нападение – лучшая форма защиты. Но сегодня мы снова слышим тот же аргумент! Ответ на него ясен: да, первым использовать подобные средства нельзя, но раз уж враг их принял на вооружение и извлек из них военную пользу, необходимо либо последовать его примеру, либо смириться с поражением в борьбе за прогресс и свободу.

Пусть грех ляжет на тех, кто вынуждает нас согрешить. Если мы будем вести эту войну, руководствуясь Христовыми заповедями, толку не будет. Подставь мы, следуя известной рекомендации, вырванной из контекста, «вторую щеку», империя Гогенцоллернов уже распростерлась бы по Европе и вместо Христова учения здесь проповедовали бы ницшеанство.

1917 г.

Об обязательной службе в армии

Я всегда был противником принудительной мобилизации, и ход войны лишь укрепил меня в этом убеждении. Тем не менее полагаю, что два лагеря, на которые разделилось общество, смогут найти компромисс – достаточно лишь в чем-то уступить каждой из сторон. Самый ярый приверженец принудительного призыва должен признать, что, как ни прискорбно, в таком случае нация, до сих пор остававшаяся сплоченной, разделится надвое, причем выиграет от этого лишь уклоняющееся от воинской службы ее меньшинство.

С другой стороны, пусть и убежденный противник насильственных мер признает: существующая система призыва грешит чудовищными аномалиями.

Положение, когда сорокалетний семейный мужчина должен сражаться во Фландрии, а недоросли 23 лет гоняют при этом на велосипедах по Истбурн-парэйд (мне достаточно лишь выглянуть в окно, чтобы их лицезреть), нормальным не назовешь. Стоит лишь каждой из сторон пойти на уступки, возникнет пространство для компромисса; он, как водится, оскорбит в лучших чувствах радикалов с обеих сторон, но поможет нам сохранить единство нации.

Одним из главных аргументов против введения всеобщей воинской повинности в данный момент представляется мне тот факт, что пользы от таковой вооруженные силы получат мало, особенно с учетом суматохи, которая тут же поднимется. Из каких социальных слоев предполагаем мы набирать рекрутов? Затронуть призывом людей, занятых на производстве, было бы чистейшей воды безумием. Промышленность и без того дезорганизована из-за недостатка рабочей силы. Поскольку все ее отрасли взаимозависимы, ущерб, нанесенный одной из них, тут же самым непредсказуемым образом скажется на остальных. Механизм индустрии и так испытывает чрезмерные перегрузки. Между тем на системе производства основывается вся экономика государства, жизненно важная и для нас, и для стран-союзниц. Оторвать рабочего от станка в надежде через полгода сделать из него солдата, в то время как наибольшую пользу стране он принес бы на месте работы, немыслимо. Значит, нужно признать: работники основных отраслей, как непосредственно связанных с военным производством (то есть угольщики, строители, металлурги, железнодорожники, транспортники, кораблестроители, текстильщики), так и производящих экспортные товары или продукцию, позволяющую нам избегать импорта необходимых деталей, и без того служат своей стране эффективнейшим образом. Призвать их на фронт означало бы ослабить нашу военную мощь.

Но после того как мы исключим эту огромную массу рабочей силы из наших расчетов, много ли останется? И стоит ли остаток того, чтобы ради него всю страну перевернуть вверх дном? Прежде всего это люди, занятые распределением материальных благ (сюда можно отнести продавцов с клерками) и сельское население. Насчет продавцов все ясно и так: трудно вообразить себе сегодня полноценного здорового мужчину стоящим за прилавком – наверняка, не устояв перед соблазном, он уже перемахнул через него и устремился искать приключений. В любом случае его на рабочем месте может заменить женщина. Это относится также к официантам и обслуживающему персоналу, в меньшей степени – к клеркам, которые нередко обладают весьма специфической компетенцией, выполняют важные функции в бизнесе и таким образом играют важную роль в обеспечении финансового благополучия не только отдельных фирм, но и страны в целом. Что же касается

детей фермеров и вообще сельских работников, то сейчас, когда производство продовольствия признано важнейшим государственным делом, трудно установить, какой процент этих людей можно призвать на службу, не ослабив здесь наших позиций.

Остаются студенты, учителя, творческая и научная интеллигенция, полицейские, работники муниципальных служб и, наконец, небольшая, но, несомненно, достойная порицания часть уклоняющихся. Призыв из этих слоев возможен, но проводиться должен разборчиво – если, конечно, речь не идет о последней группе. Человеческий потенциал нашей страны и без того ослаблен. Стоит ли разрывать нацию пополам только ради того, чтобы уловить в сети людей, сама целесообразность использования которых в армии вызывает сомнения? Неужели нельзя выработать демократический принцип отбора, при котором призыв проводился бы хоть и строже, чем сейчас, но не в такой оскорбительной для работающего человека форме, каковой является всеобщая мобилизация? Все мы согласны с тем, что есть люди (и их немало), которым место на фронте. Но разве нельзя послать их туда, не вызвав при этом раскола нации? Рискну предложить способ осуществления этой задачи.

В каждом приходе (или группе приходов) на основе авторитетной организации (вроде приходского или районного совета) следует создать комитет по мобилизации. В его распоряжение должны поступить списки граждан, подлежащих призыву, причем встретить в них свое имя должен быть готов любой гражданин-патриот. Итак, члены Комитета (пользуясь соответствующими юридическими полномочиями) вызывают к себе интересующего их гражданина и спрашивают, почему он до сих пор не исполнил свой долг. Если тот сошлется на работодателя, необходимо и того вызвать повесткой. Допустим, выяснится, что нет причины, которая мешала бы человеку пойти в армию. Тогда председатель может обратиться к нему со следующими словами: «У нас нет юридического права отправить Вас на фронт. Но мы считаем, что Вы отказываетесь исполнять свой долг, и даем Вам десять дней на то, чтобы уладить свои дела и внести свое имя в мобилизационный лист. Если Вы не сделаете этого, мы вынуждены будем поместить Ваше имя в „черный список“ наряду с теми, кто в решающие дни предал свою страну. Список можно будет увидеть неподалеку от церкви и на стенах общественных учреждений прихода». С теми же словами следует обратиться к хозяину, не отпускающему на фронт работников; появление его имени в «черном списке» вряд ли поспособствует процветанию бизнеса. Думаю, процедура возымеет эффект в отношении как хозяина, так и работника.

Несомненно, такое решение вопроса будет объявлено «притеснением отдельных лиц», но – теми, кто хотел бы «притеснить» всех нас сразу. Чем соглашаться на это, не справедливее ли выявить отдельное «лицо», притеснения заслуживающее? Если этот человек полностью оправдается перед приходским трибуналом, дело на этом будет закрыто. Если нет, ему придется либо исполнить долг, либо взвалить на себя бремя позора. У англосаксов была традиция «принижения» лиц, уклонявшихся от исполнения общественных обязанностей. Я предлагаю всего лишь вернуться к старому и справедливому закону.

Преимущество такой схемы действий состоит в том, что она не предполагает законодательной волокиты. Местному совету потребуются лишь подтвержденное законом право вызывать к себе гражданина и защита от судебных исков, связанных с диффамацией. Какие возможны тут возражения? Наверное, кто-то скажет: такие люди все равно откажутся идти в армию. На это останется лишь один ответ: столь бесчестный человек все равно не стал бы хорошим солдатом.

Должен извиниться, сэр, за длинное письмо, но мне кажется, что вопрос этот очень важен и сопряжен с опасностью. Неразумный подход к его решению может иметь серьезнейшие последствия. Впутываемые сюда экономические аргументы не кажутся мне убедительными, ибо основная масса призывников уже подписала контракты; условия последних мы нарушить не вправе, так что снижение зарплаты коснулось бы только новых рекрутов. Остается надеяться, что компромисс (мной ли предложенный, или другой, более удачный) будет найден, и мы сможем самым эффективным образом использовать боевой потенциал наших людей, позволив каждому исполнить свой долг без всякого принуждения. Последнее всегда было чуждо нашему обществу и породить в нем может лишь самые опасные настроения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/artur-doyl/angliya-i-ostalnoy-mir-vzglyad-s-beyker-strit-sbornik-kupit

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити